

Автор - Бородина Елена, Йошкар-Ола (Россия).

* * *

... а люди убрали снег –
по горлышко засыпан Краков,
но, застилая белый свет,
он всё кружил, неодинаков:
как пани Даля хромой,
как пан Казимежек горбатый.
И шёл, и шёл - за ним, за мной.
Разновеликие лопаты,
бросали снег, за комом ком -
без чертежей, инструкций, вводных
неслышно строя снежный дом
для всех: и годных, и негодных,
а люди маялись в тщете
стать незаметней тени, ибо
сегодня были на щите
и под звездой царя Давида.

По всей земле мело, мело,
являя, будто, божью милость,
но польское «белым-бело»
к обеду красным становилось.

... а люди убирали снег.

* * *

От канифоли до смычка
лишь поцелуй и выдох: «Боже»,
и каждый день разлуки прожит
тобой, ребенком – от щелчка
замка английского – прощай,
Варшава-мама - до вендетты
кровавых струн и пальцев.
Где ты?

Где ты, там гаммы натошак,
и утро, синего синей
от канифоли до бомбежки.
Там, где они – там сад камней,
спят подо мхом сороконожки,
сорокоручки – весь твой род.
День ото дня учитель строже:
«Щелкунчик, на защелку рот!»
Своим ты сорок жизней должен.

Когда-нибудь придешь туда,
услышать чтобы травный лепет –
качнется нотная вода,
и будет пить скрипичный лебедь
по капле
из твоей души,
а ты, зажмурившись от боли,
для них сыграешь...

Не дыши
лишь от смычка до канифоли.

* * *

Наверное, будешь ругать
за то, что пишу – ты прости, но -
стихи про озерную гладь,
и вышивку гладью утиной,

и светлую осень – почти
святую в своих листопадных
страданиях-муках.

Прочти

меж строчек и букв, если надо,
о том, как люблю эти дни -
раздетые в рамках приличий
до бабьих сорочек сродни
моим трепыханиям птичьим.

Но утки, с утра допоздна
варшавское небо латая,
летят и летят. Лишь одна
осталась, как ты - золотая,
на долгую память, на все,
что было когда-то не с нами.
И как ни ругай, не спасешь
меня от стихов, проше пани.
Старалась – увы, не смогла:
не стала ни старше, ни строже.

За осень, за эти слова
прости.

И читай, сколько сможешь.

